

RU

Прозвищные именованья крестьян
в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в.

Городилова Л. М.

Аннотация. Цель исследования – реконструкция антропонимикона русских первопоселенцев Приенисейской Сибири XVII в. В статье рассмотрены прозвища одной социально значимой группы – крестьян. Через прозвищные номинации восстанавливаются региональные компоненты ономастической и лексико-семантической системы старорусского языка. Научная новизна заключается в введении в научный оборот новых рукописных источников и антропонимических материалов, позволяющих расширить знания о составе не только регионального, но и общерусского ономастикона XVII в. Полученные результаты показали, что семантическое многообразие крестьянских прозвищ обусловлено их генетической связью с различными говорами европейской части, преимущественно Севера Руси.

EN

Peasants' Nicknames
in Business Written Monuments of XVII-Century Yenisei Siberia

Gorodilova L. M.

Abstract. The study aims to reconstruct the anthroponymicon of the first Russian settlers of Yenisei Siberia in the XVII century. The article considers nicknames of one socially significant group - peasants. The regional components of the onomastic and lexical-semantic system of the Old Russian language are restored through nicknames. Scientific novelty of the work lies in introducing new manuscript sources and anthropological materials, which make it possible to expand knowledge about composition of not only the regional but also the all-Russian onomasticon of the XVII century, into scientific use. The attained results have shown that semantic diversity of peasant nicknames is accounted for by their genetic connection to various dialects of the European part, mainly the North of Rus.

Введение

Ономастические исследования занимают особое место в ряду не только лингвистических, но и исторических, географических, социальных, психологических, культурологических и др. наук. Любой локально приуроченный антропонимикон, зафиксированный в памятниках письменности, является важным источником изучения системы ценностей определенного социума заданного региона, а потому значимость региональных антропонимических единиц для эмпирических наблюдений и теоретических обобщений весьма существенна.

Актуальность нашего исследования определяется необходимостью ономастической разработки материалов деловой письменности периферийного региона Руси для воссоздания максимально полной картины формирования регионального антропонимикона и описания регионального компонента на фоне общерусского начала. Актуальным является и обращение к такому классу антропонимов, как прозвища, которые в историческом аспекте изучены недостаточно и слабо отражены в научной литературе. Между тем именно прозвища обладают уникальной способностью к накоплению и трансляции культурных смыслов, что было отмечено отечественными учеными еще во второй половине XX в., но не получило дальнейшего широкого развития. Проведенное исследование позволяет раскрыть процесс формирования региональных прозвищ как протофамилий на базе общерусской и диалектной апеллятивной лексики старорусского языка, продемонстрировать слабую ограниченность прозвищ от имен нарицательных, что характерно для раннего этапа становления региональных антропонимических систем.

Изучение прозвищных именованья основной части оседлого населения Приенисейской Сибири позволяет уточнить некоторые вопросы, связанные с историей заселения региона, и тем самым дополнить имеющиеся исторические сведения о миграционных потоках крестьян в Енисейский и Красноярский уезды.

Заметим, что оригинальные памятники деловой письменности Приенисейской Сибири относятся к числу труднодоступных, поскольку, как правило, хранятся в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, местные (сибирские) архивы документами XVII в. в своем большинстве не располагают. Многие публикации, осуществленные историками, оказались в числе библиографических редкостей и часто непригодны для лингвистического исследования ввиду решения разных задач, стоящих перед историками и лингвистами. Сказанное актуализирует проблему введения в научный оборот новых архивных источников, пригодных для различного рода ономастических исследований.

Задачи:

1. Установить состав прозвищных именованных крестьян по новым рукописным источникам делового содержания, созданным в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири XVII в.
2. Исследовать семантику прозвищ и описать лексико-семантические группы прозвищных номинаций крестьянской части первопоселенцев Приенисейской Сибири.
3. Выявить отличительные особенности прозвищ русской части населения Приенисейской Сибири.
4. Через исследование мотивировочных признаков, положенных в основу прозвищ, определить по мере возможности систему ценностей, характерную для русских первопоселенцев на периферии Московской Руси.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались следующие методы исследования:

- метод сплошной выборки по целевой заданности – при установлении состава прозвищного именника крестьян;
- лексико-семантический метод – при установлении семантики аппеллятивов и описании семантических групп отапеллятивных прозвищ;
- метод компонентного анализа применяется при исследовании мотивационных связей у отапеллятивных прозвищ;
- сравнительно-сопоставительный метод используется при установлении генетических связей прозвищ крестьян Приенисейской Сибири с говорами европейского севера Руси;
- исторический метод, который, по словам В. А. Никонова, является первым законом антропонимии. «Исторична вся антропонимия без исключения» [20, с. 7];
- статистический метод, без которого невозможна убедительная интерпретация антропонимических данных;
- описательный метод, который (помимо наблюдения) включает классификацию и интерпретацию явлений прозвищной номинации.

Теоретическая база включает научные труды отечественных исследователей, посвященные изучению взаимоотношения языка и культуры, сущности антропонимической лексики. Особое внимание уделено работам, в которых представлено описание старорусских локально приуроченных антропонимов европейской части Руси, – это работы Ю. И. Чайкиной (1987, 1995, 2000), Е. Н. Поляковой (1997, 2002, 2005, 2007), Н. В. Медведевой (1999), И. М. Ганжиной (1992, 1993, 1995, 2001, 2005, 2007), С. Н. Смольникова (1994, 1996, 1997, 1999, 2005, 2011, 2015), И. А. Кюршуновой (1994, 2013, 2016, 2017), И. А. Королёвой (1999, 2000, 2005), Н. В. Комлевой (2004), В. Е. Татаркина (2005), Т. В. Симашко (2009), О. Е. Афанасьевой (2010) и др. К исследованию привлекались и немногочисленные исследования антропонимического состава памятников деловой письменности Зауралья XVII-XVIII вв.: публикации Н. А. Цомакион (1966, 1971), В. В. Палагиной (1968, 1976), Н. Н. Парфеновой (1993, 2005), Л. А. Захаровой (2001, 2006, 2009, 2013), О. В. Трофимовой (2001, 2013), Л. А. Глинкиной, М. С. Выхрыстюк (2003) Е. Ю. Сидоренко (2005), А. П. Майорова (2006), Т. В. Проскуриной (2006).

Для воссоздания экстралингвистической ситуации и определения социального состава первопоселенцев Приенисейской Сибири привлекались труды известных историков – П. Н. Буцинского (1889), С. В. Бахрушина (1955, 1959), А. П. Окладникова, В. И. Шункова (1968-1969), В. А. Александрова (1964, 1973), В. В. Воробьева (1975), А. И. Алексеева (1982), А. Е. Аникина (2000), В. А. Добрыднева (2003) и др.

Практическая значимость работы: материалы могут быть использованы в вузах гуманитарного направления в лекционных курсах «Историческая лексикология», «Диалектология», при изучении таких дисциплин по выбору, как «Региональная ономастика», «Историческая антропонимика», «Лингвистическое краеведение», при разработке спецкурсов и спецсеминаров по исторической лексикографии, этнолингвистике, а также при написании выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Полученные результаты могут стать основой (или дополнением) при составлении регионального ономастикона или словаря некалендарных личных имен и прозвищ русских первопоселенцев Приенисейской Сибири. Исследование антропонимии Приенисейской Сибири XVII в. имеет немаловажное значение для реконструкции состава антропонимикона первых русских поселенцев и создания обобщающего описания региональной и общерусской антропонимии. Предложенные принципы описания прозвищ могут применяться при анализе антропонимических единиц других регионов.

Источники изучения регионального антропонимикона

Источником наших наблюдений стали неопубликованные рукописные материалы, хранящиеся в фонде Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов (Москва): книга писцовая Енисейского уезда за 1636-1637 гг. [23, кн. 70, л. 613-617] и за 1691 г. [Там же, кн. 1419, л. 34-216]; дозорные книги Енисейского острога и уезда 1673-1675 гг. [Там же, кн. 580, л. 1-357, кн. 618, л. 360-410]; книги Енисейского

уезда пашенных крестьян 1686-1695 гг. [Там же, кн. 842, л. 38-74, кн. 1089, л. 100-139]; книги именные пашенным крестьянам Енисейского уезда 1653-1667 гг. [Там же, кн. 317, л. 1-22, кн. 505, л. 107-141]; книги именные пашенным крестьянам Красноярского уезда 1670 г. [Там же, кн. 543, л. 43-56, 173-194]; книги переписные: Красноярского острога 1671 г. [Там же, кн. 566, л. 162-213], Енисейского уезда (1669-1691 гг.) [Там же, кн. 527, л. 424-491; кн. 1419, л. 48-82], Спасского, Рождественского и Троицкого монастырей 1679 г. [Там же, кн. 403, л. 1-182]; росписи пашенным крестьянам Енисейского острога 1639 г. [24, ст. 75, л. 499-503] и Енисейского уезда 1646 г. [Там же, ст. 274, л. 380-387]; отписки енисейского воеводы Федора Полибина о беглых крестьянах 1634-1646 гг. [Там же, ст. 40, л. 487, ст. 259, л. 194]; сказки (допросные речи) мангазейского воеводы князя Никиты Борятинского о разных делах 1643 г. [Там же, ст. 93, л. 2-168].

В статье предлагается описание состава прозвищ, употребляемых в одной социальной группе населения – крестьян, которые во второй половине XVII в. составляли большую часть поселенцев Приенисейской Сибири. На обусловленность именования лица социальным статусом именуемого обращали внимание В. К. Чичагов [44, с. 9], И. М. Ганжина [7, с. 1], Е. Ю. Сидоренко [27, с. 7-8], А. А. Ильичев [12, с. 7] и др. В научный оборот введены данные по антропонимии основных социальных групп населения Московского государства – помещиков и крестьян [7], служилых людей [15], горожан [27; 40], представителей конфессиональной сферы [31; 41-43] и некоторых других сословий [13]. По территории Приенисейской Сибири описан именованный посадских людей [8, с. 173-182]. Однако исследование именованных отдельных социальных слоев населения разных регионов страны нельзя считать завершенным.

Выбор социальной группы обусловлен ситуацией, исторически сложившейся на территории Приенисейской Сибири. Так, по подсчетам В. А. Александрова, «численно крестьянское население Енисейского уезда прочно занимало первое место, составляя в 1669 г. 42% от всего населения, а к 1719 г. более половины населения (51%)» [1, с. 94]. По нашим данным, извлеченным из переписных, дозорных и именных книг, численность крестьянских тяглецов, пашенных и монастырских крестьян Енисейского и Красноярского уездов составляла в 1654 г. 254 чел., в 1667 г. – 496 чел., в 1669-1679 гг. – 634 чел. и в конце века – 968 чел. Количественный показатель позволяет получить достаточно достоверные сведения о характере именованника данной социальной группы, входящей в состав постоянного населения Приенисейской Сибири.

К вопросу о разграничении некалендарных личных имен и прозвищ

К числу все еще не решенных проблем исторической антропонимики относится, например, вопрос о разграничении некалендарных личных имен и прозвищ, что обусловлено «недостаточной информативностью памятников деловой письменности, непоследовательностью официального именования и синкретизмом функций личных имен и прозвищ в старорусском документе» [30, с. 66].

По верному замечанию С. Н. Смольникова, «употребление терминов *личное имя* и *прозвище* в работах по исторической антропонимике носит условный характер, определяется не спецификой языковых фактов, а поиском удобного для исследователя способа описания материала» [Там же, с. 67].

Следует заметить, что в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. термин *прозвище* в составе формулы именования лица отмечается крайне редко, на уровне единичных примеров: «Поп Еустафеи прозвище Арзамас» [24, ст. 93, л. 48]; монастырские крестьяне «Якунка Гаврилов прозвищем Байкал», «Федька Павлов прозвищем Малета», «Афонька Леонтиев прозвищем Ортев» [23, кн. 403, л. 128 об., 172]; «Поликарпко прозвище Баженко» [Там же, кн. 543, л. 182]; «Федька Лукьянов прозвищем Погадай» [24, ст. 274, л. 380]. Из выявленных примеров три относятся к одному письменному источнику – монастырской переписной книге, составленной одним писцом, что подтверждает наблюдения С. Н. Смольникова о субъективном употреблении писцами слова *прозвище* в памятниках делового содержания: «...использование слова *прозвище*... зависело от требований, предъявляемых к именванию лица в данном типе документации, но каждый составитель документа по-своему определял круг антропонимов, к которым следует применять данную оценку. Очевидно, что принципы фиксации некалендарных имен языком деловой сферы рассматриваемого периода разработаны не были. Все отмеченные случаи носят стихийный характер, не являются закономерностью официального именования XVI-XVII веков. Субъективный подход составителя документа к именванию проявлялся и в выборе средств номинации, в предпочтениях, отдаваемых одним именам, и исключении (иногда полным) из официального именования других» [30, с. 88].

Не останавливаясь на дискуссии по вопросу разграничения некалендарных личных имен и прозвищ, возникшей после выхода в свет работ В. К. Чичагова [44, с. 19-34] и А. М. Селищева [26, с. 97-129], обратим внимание на определение прозвищ, данное А. Н. Мирославской, которая с учетом особенностей функционирования некалендарных имен в деловом тексте в соответствии с их семантическим наполнением выделила именования первичные и вторичные, занимающие разные позиции в структурной модели именования лица. По мнению исследователя, первую позицию в антропонимической формуле занимают личные имена (в том числе и апотропейские), семантически связанные с рождением ребенка, на втором месте антропонимической формулы располагаются относящиеся к взрослому человеку вторичные имена, или прозвища, которые, в свою очередь, подразделяются на семантические группы: профессия, социальное положение именуемого; место происхождения, этническая принадлежность; внешность, особенности поведения, характера, проявляющиеся у человека; названия животных, птиц, рыб, насекомых, предметов и др. [18, с. 203-204].

Схожей точки зрения придерживаются и такие ученые, как Т. В. Бахвалова (1972), А. Г. Мосин (2002), Ю. И. Чайкина (2004), Н. В. Комлева (2004), И. А. Кюршунова (1994, 2012) и др.

Таким образом, в настоящей работе под прозвищем понимается апеллятив, некалендарное имя (редко) или оним (топоним, гидроним) > прозвище, которые занимают последнюю (вторую или третью) позицию в структурной модели именовании лица: *Якунка Гаврилов Байкал* (1679), *Ивашко Онисимов Бахмат* (1634), *Игнашко Костянтинов сын Безрукой* (1695), *Якушко Белоус* (1667), *Мишка Алексеев Белошапка* (1669), *Васка Буддырь* (1654), *Елфимко Бурундук* (1695) и под. В исследованных памятниках письменности компонент, стоящий в финальной части антропонимической модели, ни разу не встретился в препозиции по отношению к другим структурным компонентам именовании, что можно наблюдать в памятниках европейской части России вплоть до XVII в. Ср., например, представленное как личное имя и как прозвище *Бахмат Тимофеев сын Миткова* и *Тимошко Кирилов сын Бахмат*; *Соловей Елизаров* и *Иван Соловей*, *Матюша Соловей*; *Сокол Петров*, *Сокол Васильев* и *Назарко Сокол*, *Гридка Ондрейков Сокол* [34, с. 42, 366-367]; *Соболь Бирилев*, *Соболь Иван Желтухин* и *Григорий Микулич Соболь* [4, с. 294], *Белоус*, *Соловей* (в разделе личных имен) [32, с. 6, 8]. Очевидно, интенсивное вытеснение древнерусских языческих личных имен в XVII в. находилось в завершающей стадии, что и отразилось в памятниках деловой письменности периферийного региона, где крайне редко отмечаются такие некалендарные имена, как *Мороз*, *Надейко*, *Нехорошко*, – единичные примеры на фоне массива христианских имен. По мнению А. В. Суперанской, в XVII в. остатки древнерусской системы именовании лица сохранялись только в неофициальном употреблении [33, с. 26], а потому, возможно, и не попали в документальную письменность.

Именно закрепленность структурного компонента за финальной частью антропонимической конструкции позволяет трактовать его как прозвище, которое впоследствии становится базой для образования фамилии.

Состав прозвищных именовании крестьян в деловой письменности Приенисейской Сибири

По материалам деловой письменности удалось выявить 2975 ед. именовании крестьян, из которых 236 ед. (7,9%) представляют собой собственно прозвища. Установленные прозвищные именовании распадаются на две неравные группы: восходящие к некалендарным личным именам – 2,8% (*Меньшой*, *Морозко*, *Сокол*, *Соловей*, *Хорошей*) и восходящие к апеллятивной или онимической лексике – 97% (*Байкал*, *Даур*, *Долгопол*, *Зык*, *Губа*, *Корноух*, *Куст*, *Утка*, *Щербак*, *Ячмень* и др.).

В переписных книгах зафиксирован пример употребления в качестве прозвища разговорной формы канонического имени *Патрикий* > *Патракей* > *Патря*: *Ивашка Мокеев Патря* (1669) / *Ивашко Мокеев сын Патря* (1673). Хотя, учитывая однокоренные апеллятивы, отмеченные в севернорусских говорах (*пáтра* – ‘грязнуля’, *пáтрай* – ‘о грязнуле’, *пáтрать* и *пáтрить* – ‘пачкать, грязнить’ и др. [28, вып. 25, с. 274-275]), можно допустить, что данное прозвище могло иметь и апеллятивную основу. В ряде случаев однозначно определить значение прозвищных имен довольно трудно, поскольку, как отмечает И. А. Королева, «весьма часто на разных территориях они имеют различное обоснование» [14, с. 180].

В памятниках деловой письменности встретился единичный пример употребления в качестве прозвища патронима *Ортев* – «Афонька Леонтиев прозвищем Ортев» (1679) [23, кн. 403, л. 172].

Наибольший интерес, безусловно, представляют прозвища, возникшие на основе апеллятивной лексики и содержащие ценные сведения о носителе имени, поскольку именно в прозвищах «представлена (эксплицитно или имплицитно) ценная информация о мировосприятии, занятиях, предпочтениях и др. людей в определенный исторический период развития общества» [3, с. 85].

Мотивационная множественность семантической базы прозвищ

Следует подчеркнуть, что отнесение прозвищной отаппелятивной основы к какой-то семантической группе носит предположительный характер, так как первопоселенцы Приенисейской Сибири являются выходцами преимущественно из европейской части Русского Севера и генетически связаны с различными севернорусскими говорами, в которых одно и то же прозвище могло иметь разное значение. В таком случае выявленные в деловой письменности Приенисейской Сибири прозвища крестьян могут относиться одновременно к разным онимическим полям. Например, в антропониме *Демка Ферантов Ерыкал/Ерыкало* (1667) прозвище *Ерыкал/Ерыкало* имеет следующие значения: ‘картавый человек’; ‘сквернослов’; ‘повеса, ослопина’ [10, т. 1, с. 522]; ‘долгоязыый, дородный человек, ведущий праздный образ жизни’ – пенз.; ‘человек, который твердо выговаривает звук “р”, как бы удваивая его, и вообще произносит слова твердо, выразительно, с расстановкой’ – перм.; ‘человек, раскатисто выговаривающий звук “р” – нижегор., псков., кунгур., перм.; ‘здоровый человек’ – курск.; ‘работающий, прилежный, трудолюбивый человек’ – вологод.; ‘ветренный, пустой человек; шатун’ – вологод.; ‘прозвище человека, громко выпускающего газы’ – твер. [28, вып. 9, с. 37]; ‘озорник’ – пенз. [Там же, с. 38]. В. А. Никонов выделяет в диалектном апеллятиве «ерыкало» значения ‘крикун, задира’ или ‘ветренный, пустой человек’ [20, с. 86]. По пермским памятникам делового содержания Е. Н. Полякова отмечает такие значения данного прозвища, как ‘крикун, задира’, ‘картавый человек’, ‘работающий, трудолюбивый человек’, ‘ветренный, пустой человек’ [22, с. 79].

Таким образом, апеллятив *ерыкало*, который встречается в вологодских, нижегородских, пермских, тверских, пензенских говорах и от которого образовано прозвище *Ерыкал/Ерыкало*, может входить как минимум в 5 разных лексико-семантических групп: 'картавый человек', 'ветренный, пустой человек', 'озорник', 'крикун, задира', 'работающий, трудолюбивый человек', однако очевидно и то, что в любом случае речь идет о характеристике человека. Необходимо также отметить, что установление истинных мотивов присвоения прозвища конкретному лицу по данным рукописных памятников не представляется возможным.

Лексико-семантические группы прозвищ в деловой письменности Приенисейской Сибири

Далее предлагается описание основных лексико-семантических групп крестьянских прозвищ, которые удалось установить по рукописным источникам, созданным на территории Приенисейской Сибири в XVII в. Примеры антропонимов даются курсивом, в круглых скобках указывается дата создания документа. Порядок расположения групп ориентирован на статистические данные, полученные в ходе исследования антропонимикона крестьян по данным деловой письменности Приенисейской Сибири.

Наибольшее количество примеров входит в ономастическое поле «Прозвища, отражающие внешний вид человека, его физические особенности, характер и поведение» – 52% от общего количества прозвищ крестьян. К данной группе по значению примыкают прозвища, образованные от названий животного мира – 11%. Далее следуют группы: «Прозвища, отражающие первоначальное место жительства первопоселенцев Приенисейской Сибири и их этническую принадлежность» – 27% и «Прозвища, обусловленные родом дополнительных занятий крестьян» – 10%.

1. Прозвища, отражающие внешний вид человека, его физические особенности

Сопоставляя зафиксированные в деловой письменности Приенисейской Сибири прозвища с общерусской и диалектной апеллятивной лексикой, можно установить следующие семантические группы, отражающие внешний вид человека и его физические особенности (34% от общего количества прозвищных именовании):

- 1) 'низкорослый человек': *Васка Короткой* (1667), *Гришка Маленкой* (1667), *Максимко Маленкой* (1667), *Ивашко Василев Мелкой* (1667), *Марчко Дмитриев сын Мизгирь* (1673) < мизгирь – «о человеке невысокого роста», нижегор., влад., вологод., перм. [28, вып. 18, с. 153-154; 39, с. 63]; *Федька Григорьев сын Нохрок* (1671) < нохрок – вологод. «человек неестественно маленького роста; низкорослый уродец, карапуз» [28, вып. 21, с. 296];
- 2) 'полный, невысокого роста человек': *Васка Дутой* (1654), *Лучка Василев Дутой* (1667), *Ивашко Савин сын Круглой* (1654), *Петрушка Савин сын Круглой* (1695). Как полагает Е. Н. Полякова, прозвище *Круглой* давалось «здоровому, упитанному, плотного телосложения человеку» [22, с. 124];
- 3) 'толстый, неповоротливый человек': *Ивашко Бухтей* (1695) < бухтей – «толстяк, пузан, дородный детина» [10, т. 1, с. 146; 28, вып. 3, с. 326]; *Федка Малахеев Курдюк* (1667), *Федка Пенегин Курдюк* (1670) < курдюк – «хвост барана, в котором вмещается сало», «два сальные нароста на ягодицах, по бокам хвостика» [10, т. 2, с. 221]; «о толстом человеке» [28, вып. 16, с. 117]; Н. А. Баскаков относит антропоним *Курдюк* к прозвищам тюркского происхождения [2, с. 37], в то время как А. Соколов считает его личным именем [32, с. 7];
- 4) 'высокий человек': *Гришка Высота* (1654), *Петрушка Микитин Высота* (1669);
- 5) 'худощавый человек': *Ивашко Иванов сын Сухой* (1654), *Ондрюшка Борисов Сухан* (1667) < сухой – «худой, чахлый, тощий, поджарый», без указания места [10, т. 4, с. 365];
- 6) 'рыжеволосый человек': *Фетка Вавилов сын Чермной* (1654), *Ондрюшка Чермной* (1654), *Павлик Ондреев Чермной* (1667), *Бориско Мосеев сын Чермной* (1671), *Фетка Иванов сын Чермной* (1695) < чермной – «червильный, багровый, темно-красный, красного цвета || рыжий» [Там же, с. 593]; «чёрмный “красный”, цслав., народн. черёмный “рыжеволосый”, вятск., перм., сиб.» [36, т. 4, с. 344]; прозвище *Чермной* отмечает А. Соколов в документальной письменности Казанского и Нижегородского краев [32, с. 15];
- 7) 'светловолосый человек': *Мишки Алексеев Белошапка* (1669); к данной группе, возможно, относится и прозвище *Балаш* – *Богдашко Балаш* (1654, 1667), фиксируемое в памятниках Русского Севера с конца XV в. и в казанских памятниках XVII в. [Там же, с. 9]. По мнению А. Г. Мосина, прозвище *Балаш* и *Белаиш* «означало 'белый'; что могло относиться к цвету волос, лица и т.д.» [19]. Иную точку зрения на происхождение данного прозвища представляет В. А. Никонов, полагающий, что прозвище *Балаш* заимствовано из татарского языка и восходит к общетюркскому апеллятиву *бала* – 'ребенок' [21, с. 15]; ср. толкование происхождения фамилии *Балашов* у Н. А. Баскакова, который связывает антропоним с общетюркским *bala* в значении 'дитя, ребенок, сын' [2, с. 110-111];
- 8) 'темноволосый, темнокожий человек': *Ивашко Григорев Черной* (1667), *Ивашко Григорьев сын Чернок* (1671), *Костка Федоров сын Черной* (1695) < черный – «смуглый», «с черными волосами», «носящий темную одежду» или «тяглый, податный человек» [17, с. 584; 21, с. 157-158; 22, с. 247; 39, с. 111];
- 9) 'человек с всклокоченными, непричесанными волосами': *Стенка Кыштым* (1673) < кыштым = кышно – «вскокоченные, непричесанные волосы, лохмы» [28, вып. 16, с. 209]; аналогичной точки зрения придерживается Е. Н. Полякова, характеризующая прозвище *Кыштым* как заимствование из языка коми [22, с. 131];
- 10) 'человек, имеющий светлые или седые усы': *Ивашко Белоус* (1646), *Якушко Белоус* (1667), *Ивашко Яковлев сын Белоус* (1695); «у кого или чего белые, светлые, седые усы» [10, т. 1, с. 157; 39, с. 14];
- 11) 'человек с мокрыми усами': *Петрушка Микифоров сын Мокроус* (1691);

12) ‘человек с толстыми губами или дефектом губ (заячьей губой)’: *Ивашко Прокопьев сын Губа* (1654); прозвище *Губа* без пояснения отмечает в своей работе А. Соколов [32, с. 10];

13) ‘человек с большими глазами или глазами навькат’: *Васка Иванов Глазок* (1669), *Тренка Шароглаз* (1667); *Ондрюшка Семенов Пучеглаз* (1679);

14) ‘человек с особенным носом’: *Митка Ноздренок* (1654), *Ивашко Онтонов сын Носко* (1654) < нос – в некоторых говорах «прозвище человека с большим носом; вологод., влад., калуж., курск.» [6, с. 340; 17, с. 382; 28, вып. 21, с. 285]; *Оверчко Федоров сын Клюй* (1695) < клюй – «клев», вологод., новг.; «о человеке с длинным орлиным носом», олон. [28, вып. 13, с. 318]; однако некоторые исследователи, основываясь на диалектном выражении «сидеть клюем» – «сидеть и дремать, клевать носом», арх., костр. [Там же], предлагают и иное значение апеллиатива *клюй* – ‘сонливый’, ‘клюющий носом’ [19; 20, с. 59];

15) ‘человек с рябым лицом’: *Ларка Шадра*, *Ларка Григорьев сын Шадра* (1667, 1669, 1673) < шадра – «природная оспа», арх., перм., новг. [10, т. 4, с. 618; 39, с. 112]; наличие данного прозвища в составе антропонимикона XVII в. подтверждает и А. Соколов [32, с. 15];

16) ‘человек с кривыми ногами’: *Федка Кривоношко* (1667);

17) ‘хромой человек’: *Митка Хромой* (1667), *Стенка Хромой* (1669), *Ивашко Савин сын Костыльник* (1654) < костыльник – «кто делает костыли для хромых || хромой на костылях» [10, т. 2, с. 176]; «хромой на костылях» [28, вып. 15, с. 86]; ряз. «искусственная деревянная нога», вологод. «о хромом человеке» [19; 22, с. 119];

18) ‘человек с врожденными или приобретенными физическими недостатками, калека’: *Митка Павлов сын Безрукой* (1673), *Костька Осипов сын Безрукой* (1673), *Мишка Григорьев сын Безпалой* (1671), *Родка Иванов Глухой* (1667), *Офонька Фирсов сын Глухой* (1671), *Климко Слепой* (1654), *Васька Павлов сын Корноух* (1671), *Ивашко Михайлов сын Косой* (1654); *Федка Ондреев Сакуль* (1646) < возможно, от *сакуля* – вологод. «сухорукий человек» [17, с. 478; 28, вып. 36, с. 52];

19) ‘горбатый человек’: *Васка Горбун* (1669), *Ивашко Григорьев сын Горбун* (1673);

20) ‘человек с дефектом речи, картавый человек’: *Демка Ерыкал* (1654), *Миксимко Заика* (1667);

21) ‘слабый, болезненный, немощный человек’: *Федка Омелянов сын Хворой* (1673) < хворый (‘больной, болеющий’) – от *хворь* – «боль или боля, болезнь, болесть, немощи или немочь, недуг, скорбь» [10, т. 4, с. 545-546]; *Марчко Дмитриев сын Мизгирь* (1673) < мизгирь – «о слабом, болезненном или плаксивом человеке», твер., новг. [28, вып. 18, с. 153];

22) ‘человек, часто мигающий, подмигивающий’: *Васка Мигун* (1669) < мигун – «о том, кто мигает, подмигивает», нижегор., вологод., псков., вят. [17, с. 345; 28, вып. 18, с. 153; 32, с. 12];

23) ‘возрастные особенности именуемого лица’: *Ондрюшка Молодой* (1654), *Ивашко Фокин Большой* (1695), *Мишка Колесников Менишой* (1695), *Ивашко Фокин Менишой* (1695), *Илюшка Козмин сын Старой* (1695).

Наши материалы подтверждают наблюдения ученых о том, что «важнейшими и наиболее показательными в народной культуре считались признаки внешнего вида – особенности телосложения, черты лица, необычность взгляда, волосяного покрова и т.п.» [5, с. 19], при этом внимание социума обращается прежде всего на аномальные черты, негативные свойства характера, осуждаемое поведение. Как полагает И. А. Кюршнова, «за отрицательной характеристикой скрыто стремление к норме и идеалу» [16, с. 244].

2. Прозвища, отражающие особенности характера и поведения человека

К числу прозвищ, зафиксированных рукописными документами Приенисейской Сибири и отражающих особенности характера и поведения человека (18%), можно отнести следующие семантические группы:

1) ‘неловкий, неуклюжий, неповоротливый, бестолковый человек’: *Ивашко Онисимов Бахмат* (1634) < бахмат/бахмет – вят. «неуклюжий, неповоротливый» [10, т. 1, с. 56]; прозвище *Бахмат* зафиксировано в казанских и нижегородских памятниках XVII в. [32, с. 9]; *Авраам Пакуль* (1704) < пакуль – «перен. неповоротливый, неуклюжий, неловкий, рассеянный человек» [17, с. 293]; *Офонка Плетень* (1654, 1667) < плетень – перен. «о неуклюжем, нерасторопном человеке», ворон., ряз.; «о нерасторопном, бестолковом человеке», калуж. || «о старом, дряхлом человеке» [28, вып. 27, с. 125]; *Ондрюшка Савельев Куча* (1667) < куча – «куча, ворох», «единица исчисления сена и площади сенокосного угодья», «клад, скирда хлеба в снопах» [29, вып. 8, с. 150-151], в переносном значении «неповоротливый, неуклюжий, неловкий, рассеянный человек» [17, с. 293]; *Афонка Борисов сын Чурак* (1671) < чурак, чурка – «короткий обрубок бревна, жерди, круглого дерева; глупый, неповоротливый человек» [10, т. 4, с. 615; 22, с. 253]. Однако есть мнение, что данное прозвище могло быть образовано от имени Чур, обычно связываемого исследователями с языческими верованиями славян» [19]; по мнению Г. Ф. Саттарова, основой данного прозвища могло стать татарское имя Чура, восходящее к апеллиативу *чура* – ‘раб’; ‘пахарь» [25, с. 213];

2) ‘несообразительный, неумелый, нерасторопный человек’: *Мишка Павлов сын Карга* (1673) < карга – «о несообразительном, неумелом человеке», перм., вят., вологод.; «о нерачительном в хозяйстве, нерасторопном человеке», вологод. [6, с. 235; 28, вып. 13, с. 82];

3) ‘человек, говорящий напрямик или невпопад’: *Тимошка Денисов сын Бухало* (1695) < бухало – «говорящий невпопад, врун» [19; 28, вып. 3, с. 318]; А. Соколов в памятниках XVII в. отмечает наличие прозвища *Бухала* [32, с. 9];

4) ‘сплетник, ябедник’: *Васка Бухваст* (1667), *Ондрюшка Захаров Бухваст* (1667) < бухваст – «яроsl., нижегор. *бухвостить*, *бухвостничать*, сплетничать, ябедничать, носить из дома в дом вести; каз. врать, хватать» [10, т. 1, с. 146]; «хватать, врать», казан., пенз., влад., вят. [17, с. 77; 28, вып. 3, с. 322];

5) 'бойкий, суетливый человек': *Емелко Иванов сын Юсай* (1695) < возможно, от юса – «бойкий человек» [17, с. 633] или юсить – «торопливо делать что-нибудь, суетиться» [36, т. 4, с. 535];

6) 'угрюмый, малословный человек': *Тимошка Мичюра* (1654) < мичюра – «угрюмец, человек малословный, брюзгач» [10, т. 2, с. 330]; «об угрюмом, насупившемся человеке», вят. [19; 28, вып. 18, с. 180]; *Ивашко Падера* (1669) < падера – твер. «исхудалый человек», перм. «угрюмый, своенравный человек» [22, с. 167; 28, вып. 25, с. 128];

7) 'тихий, скромный, спокойный человек': *Федка Савелев Смирняга* (1667, 1669), *Федка Савин сын Смирняга* (1673), *Юшко Федоров сын Смирняга* (1695) < Смирный < смирный [6, с. 444];

8) 'ловкий, хитрый человек, плут, обманщик': *Микифорко Якимов Заворуй* (1667) < заворуй – «влад. плут и наглец; ловкий и смелый повеса» [6, с. 205; 10, т. 1, с. 563]. А. Г. Мосин пишет: «Более чем вероятно связь прозвища со старыми, распространенными до XVIII в. значениями слова вор ('мошенник, бездельник, обманщик; изменник; разбойник') и производных от него: воровать – 'мошенничать, плутовать, обманывать'; воровство – 'обман, плутовство, мошенничество, бездельничество, подлог'; воровской – 'мошеннический; преступный, противозаконный'» [19]; *Васка Вьюха* (1679) < вьюха – «лукавый, хитрый, изворотливый человек», вологод. [10, т. 1, с. 329; 28, вып. 6, с. 70]; *Пронка Мазур* (1669) < мазур – «мазурик, мошенник, плут», тотем., вологод., твер., псков., яросл., олон., онеж., урал., смол. [28, вып. 17, с. 299]; «лживый человек», «обманщик, плут» [17, с. 329]; *Петрушка Овдеев сын Ханжа* (1673) < ханжа – «лицемер, обманщик», казан. [39, с. 107]; *Ивашко Филиппов Лодыга* (1654, 1667) < лодыга – «лодырь», перм., ср.: лодыжить – «лгать, обманывать» [17, с. 311; 28, вып. 17, с. 106]; *Емелко Иванов сын Юсай* (1695) < возможно, от «юс» – 'хитрец' [36, т. 4, с. 535];

9) 'бездельник, повеса': *Васка Федоров сын Хлыст* (1654) < хлыст – «(бран.) новг. верзила, взрослый пареня, который только шатается и повесничает»; «фат, щеголь и повеса, шаркун и волокита»; влад. «подворный шатун и нищий от тунеядства»; «наглец, нахал»; «сплетник» [10, т. 4, с. 550]; «франт, щеголь, повеса» [6, с. 514]; прозвище *Хлыст*, характерное для XVII в., отмечает и А. Соколов [32, с. 15];

10) 'франт, щеголь, чопорный докучливый мелочник': *Семеика Щепет* (1654, 1667), *Стенки Семенов Щепет* (1669) < щепет – «щегольство, убранство, нарядность, украса; изысканная опрятность, мелочный порядок на внешнее» [10, т. 4, с. 655], ср.: «щепетить – щеголять, франтить, модничать, одеваться и рядиться напоказ» [Там же];

11) 'громкоголосый человек, крикун': *Демка Феропонтов Ерыкал* (1667); *Федка Зык* (1669), *Федка Андреев сын Зык* (1673); «Зык, или Зыка, – громкоголосый, крикун» [19; 37, с. 96]; в ряз. говорах *зыка* – «крикун, пискун, плакса», а также *зыкало* – «тот, кто громко кричит, ревет; крикун» [17, с. 192; 28, вып. 12, с. 35]; в памятниках XVII века – Зык [32, с. 11];

12) 'вспыльчивый человек, зачинщик ссор, задира': *Демка Феропонтов Ерыкал/Ерыкало* (1667), *Богдашка Матвеев сын Гневас* (1673), *Ивашко Семенов сын Бешеной* (1673); последнее находим в списке прозвищ XVII в., составленном А. Соколовым [Там же, с. 9];

13) 'заядлый игрок в кости или карты': *Гришка Костырка* (1667) < костарь, костырь – «заядлый игрок в кости назывался костырем. По аналогии так же иногда именовали страстного картежника» [37, с. 120].; ср.: «костырство – «игра в кости; азартная игра вообще», «костырский – игральный (о костях, картах)» [29, вып. 7, с. 372]; возможно, что данное прозвище восходит к апеллятиву *костар* в значении 'белая горячка, умопомешательство' [Там же]. В таком случае антропоним должен входить в иную группу – 'психически больной человек'.

3. Прозвища, образованные от названий животного мира

К первым двум группам примыкает группа прозвищных именовании, образованных от названий животного мира (11%). В таких прозвищах также отразилась оценка человека, но через метафорическое переосмысление названий животных, птиц, насекомых и под., например, *Пронка Григорев Конь* (1667) < конь; таким прозвищем, по мнению Е. Н. Поляковой, «могли назвать высокого, крепкого, сильного человека» [22, с. 112]; *Ивашко Кирилов сын Боров* (1695) < боров – «самец свиньи», перм., вологод., белозер., новг., арх. [28, вып. 3, с. 103]; подобное прозвище могли присвоить неуклюжему толстому человеку; маленький подвижный человек по сходству со зверьком мог получить прозвище *Бурундук* – *Елфимко Михайлов сын Бурундук* (1695).

Более половины зоонимических прозвищ крестьян связано с названиями птиц: *Парфенко Федоров сын Коршун* (1695), *Ивашко Лукьянов Курка* (1696), *Гришко Орел* (1667), *Фетка Сокол* (1654), *Кирилло Соловей* (1646, 1654), *Офонка Утка* (1654), *Евдокимко Андреев сын Утка* (1673). При этом, кроме общерусских названий птиц, в памятниках отмечаются и диалектные лексемы: *Офонка Ремез* (1654, 1667) < ремез – «разновидность синицы, маленькая, юркая птица; отсюда и прозвище подвижного, суетливого человека» [37, с. 189]; в тверских говорах отмечен глагол *ремезить* – «суетиться, торопиться, егозить» [6, с. 405; 28, вып. 35, с. 53]; *Григорей Власев сын Плишка* (1671) < плишка – «птица трясогузка, трясохвостка» [10, т. 3, с. 127], «трясогузка, трясохвостка», перм., соликам., вят., вологод., костр., ряз., арх., олон., сиб.; «синица, зяблик, чиж»; «маленькая птица, птичка», влад. [28, вып. 27, с. 143] – данное прозвище мог получить подвижный, юркий, небольшого роста человек, похожий на маленькую птицу. По сходству с дворовой птицей (курицей) тихому, застенчивому или бестолковому человеку могли дать прозвище *Тютя*. Ср.: *Фарафонко Тютя* (1671) < тютя – «вят. дворовая птица, курица»; || «о тихом, неразговорчивом, застенчивом, слабохарактерном, плаксивом, неповоротливом, неуклюжем, несообразительном, бестолковом человеке», «о неряхе, замарашке» [Там же, вып. 11, с. 46]. Глухой, медлительный, рассеянный человек становился обладателем прозвища *Тетеря* > *тетеря* – «птица тетерев, самка

глухаря» || «о глухом человеке», псков., твер., влад., костр., перм., пенз.; «о нерасторопном, неуклюжем, неповоротливом человеке», тихв., новг., псков., твер., курск.; «о тяжелом на подъем человеке», «относится к тому, кто долго сидит», пошех., молог., яросл.; «о рассеянном, невнимательном человеке», терск., тобол.; «о слабом, хилом человеке», курск.; «о небрежном, нерадивом человеке», шуйск., влад., терск. [Там же, вып. 44, с. 102-103].

Злому на язык или надоедливому человеку могли присвоить название жалящего крылатого насекомого *паут* – «овод, слепень, большая муха, мошка» [10, т. 3, с. 25; 28, вып. 25, с. 283; 38, с. 465]: *Ивашко Паут* (1654, 1667), *Ивашко Евлупьев сын Паут* (1673).

Считается, что к XVII в. зооморфные прозвища уже утратили апотропеическую функцию, на смену которой пришла новая функция – характерологическая (по внешним физическим признакам человека, по особенностям поведения, характера и др.), выражавшая новые ценностно-мотивационные ориентиры. Следует также отметить, что выявленные прозвища зоонимического происхождения имеют чаще всего сниженную коннотативную окрашенность.

4. Прозвища, отражающие первоначальное место жительства первопоселенцев Приенисейской Сибири и их этническую принадлежность

В некоторых прозвищах крестьян Приенисейской Сибири закрепились названия мест первоначального проживания первопоселенцев (16%), что является ценным источником в изучении вопросов колонизации Сибири [9, с. 135-138]: *Якунка Гаврилов прозвищем Байкал* (1679), *Петрушка Зиновьев Важенин* (1667), *Незговорко Марков Верхотоемец* (1634), *Васка Андреев сын Верхотур* (1695), *Семенка Ермолин Вологжанин* (1667), *Васка Кирилов Вычегжанин* (1679), *Фетка Вязма* (1654), *Васка Петров Вятка* (1654, 1667), *Федька Семенов сын Даур* (1671), *Гордюшка Казанец* (1654), *Фетка Каргопол* (1654), *Васка Каргопол* (1654), *Васка Кокшар* (1654, 1667), *Ивашко Иванов сын Кокшар* (1695), *Сенка Алексеев Луза / Сенка Луза* (1679), *Ондрюшка Иванов сын Нарымской* (1673), *Кондрашка Елисеев сын Пинежанин* (1671), *Ивашко Михайлов Псковитин* (1667), *Ивашко Семенов Псковитин* (1667), *Ермолка Васильев сын Псковитин* (1673), *Тимошка Степанов сын Сысолетин* (1673), *Тихонко Сергеев Сысолятин* (1667), *Самко Прохоров Сысолятин* (1695), *Стенка Тарской* (1679), *Данилко Павлов Усолец* (1669) и др.

Оттопонимические прозвища крестьян в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. встречаются намного реже, чем аналогичные прозвища служилых и посадских людей. Прозвища мотивированы названиями населенных пунктов (*Верхотур*, *Тарской* и др.), названиями рек или озер: *Луза* (по названию реки Луза в Устюжском уезде), *Важанин/Важенин* (от названия реки Вага в Вологодском уезде Архангелогородской губернии), *Байкал*. По названию города или реки переселенцам давали прозвища *Мезенец*, *Вятка* и под.

В документах конца XVII в. отмечается обобщенное прозвище *Сибиряк*, носителями которого становятся крестьяне, родившиеся в населенных пунктах Сибири: «*Илюшка Андреев сын Сибиряк* он же Хвоча родом он Тобольского города крестьянской сын въ Енисейскъ пришел тому лет з дватцатъ», «*Ганка Елфимов снъ Сибиряк* родом он Тобольского города» [23, кн. 1419, л. 83 об., 84].

Этническая принадлежность пашенных крестьян нашла отражение в прозвищах: *Фомка Сысоев сын Башкир* (1673); *Ондрюшка Борисов сын Вотяк* (1671); *Якунка Зырян* (1646), *Кирилко Василев Зырян* (1667), *Якунка Василев Зырян* (1669), *Кирилко Василев Зырян* (1670); *Митка Калмак* (1646), *Мишка Борисов сын Калмак* (1671), *Лучка Колмак* (1654); *Ивашко Матвеев сын Корела* (1654), *Гришка Андреев сын Корела* (1695); *Васка Романов сын Мордвитин* (1673); *Семеика Григорьев сын Остяк* (1671); *Фетка Тотарин* (1654); *Федька Емельянов сын Черкашенин* (1671), *Левка Иванов Черкашенин* (1671) и др.

Отэтнотонимические прозвища составляют небольшую группу антропонимов (11%), которые, как правило, подчеркивают отличие отдельных жителей определенного населенного пункта от окружающего русскоязычного населения. Возникновение прозвищ может быть связано с названием (или самоназванием) определенного этноса, представители которого попали в Приенисейскую Сибирь. Например, прозвища *Корела*, *Зырян*, *Черемиса* связаны с названием народов финно-угорской и самодийской групп, проживавших на территории Архангельского Поморья, откуда переселенческие потоки двигались в Приенисейскую Сибирь. Так, самоназвание карельского этноса *корела* отмечается в поморских памятниках, а также «фиксируется в ряде географических названий Поморья (от Варзуги до устья Северной Двины) уже в XV в.» [11]. Установить, появилось ли данное прозвище у его носителя до переселения в Приенисейскую Сибирь или уже на данной территории, не представляется возможным.

5. Прозвища, обусловленные родом дополнительных занятий крестьян

Самую малочисленную группу (10%) составляют прозвища, позволяющие установить характер иных, помимо выращивания хлеба, насущных занятий сибирских крестьян: *Вахрушко Дудолад* (1671) < дудолад – «мастер “ладить”, то есть делать дудки – популярный в старой деревне музыкальный инструмент» [6, с. 175; 37, с. 80], *Юрка Михайлов Красилник* (1654), *Ивашко Коновал* (1671), *Мишка Масленик* (1695), *Ивашко Дмитриев сын Мелник* (1673), *Федка Семенов сын Овчинник* (1673), *Мишка Пастух* (1654), *Мишка Клементьев сын Портняга* (1691), *Васка Матвеев сын Сапожник* (1673), *Ивашко Черепан* (1670), *Васка Кондратьев сын Черепан* (1667, 1673) < черепан – «вологод., перм., вят., сиб. горшечник, горшеня, гончар» [10, т. 4, с. 593; 22, с. 246; 35, с. 100; 37, с. 245], *Гришка Никонов сын Шапошник* (1695).

Условно в данную группу можно включить прозвище *Полковник*, которое характеризует лицо по роду его деятельности до момента зачисления «в пашню», что было характерно для Сибири. О бывшей «полковой службе» свидетельствуют записи в переписных книгах пашенных крестьян: «Васка Кволковник з братом

бывал служилой а ныне отставлен живет в деревне у них 5 лошадей заводен» [24, ст. 274, л. 387], где *Кволковник* является искажением прозвища *Полковник*; ср.: *Онтонко Артемьев сын Полковник / Антошка Артемьев сын Полковникъ* (1673, 1695).

Заключение

Таким образом, анализ антропонимикона крестьян Приенисейской Сибири по рукописным источникам, ранее не вводившимся в научный оборот, позволяет сделать следующие выводы.

Обращение к неисследованным рукописным источникам XVII в., созданным на периферии Московской Руси, дало возможность существенно расширить эмпирическую базу прозвищных именовании одной социальной группы, относящейся к основному составу русских первопоселенцев Приенисейской Сибири.

Семантико-статистический анализ крестьянских прозвищ, отмеченных в рукописных документах XVII в., показал, что наибольшую группу составляют прозвищные именовании, входящие в ономастические поля «внешний вид человека, его физические особенности» и «особенности характера и поведения человека», обусловленные апеллиативами со значениями ‘низкорослый человек’, ‘полный человек’, ‘рыжеволосый человек’, ‘человек с врожденными или приобретенными физическими недостатками’, ‘неловкий, неуклюжий, бестолковый человек’, ‘угрюмый, малословный человек’, ‘ловкий, хитрый человек, мошенник’, ‘бездельник’, ‘франт, щеголь’, ‘возрастные особенности именуемого лица’.

Достаточно большая группа прозвищ входит в ономастическое поле «прозвища, отражающие первоначальное место жительства первопоселенцев Приенисейской Сибири и их этническую принадлежность», связанное с процессом колонизации Сибири и формированием постоянного населения.

Более редкими в исследуемой региональной ономастической системе являются прозвища, образованные от названий лиц по профессии, что обусловлено социальным статусом носителей прозвищ и основным видом их деятельности.

Выявленные в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири прозвища крестьян отличаются тесной связью с общерусской и диалектной апеллиативной лексикой, а потому представляют собой ценные в антропоцентрическом, этнолингвистическом и аксиологическом плане ономастические единицы, которые позволяют расширить знания о региональной разновидности русского ономастикона в XVII в.

Исследование мотивов именовании сибирских крестьян через лексико-семантический и компонентный анализ апеллиативной лексики, легкой в основу прозвищной номинации первопоселенцев Приенисейской Сибири, позволяет определить систему ценностей, характерную для периферийной территории Московского государства, которая генетически связана с европейским Севером Руси. Выявленные ценностные ориентиры преимущественно являются общерусскими универсалиями. Региональный образ жизни формировался под влиянием особенностей жизнедеятельности на местах прежнего проживания, а также под влиянием новой окружающей среды, в том числе и контактированием с переселенцами из других регионов европейской части страны и Зауралья и с аборигенами края.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что решение общих проблем исторической антропоники невозможно без обращения к региональным ономастическим материалам разных территорий и разных хронологических срезов.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в продолжении изучения прозвищных именовании иной социальной группы – служилых людей и проведении сопоставительного анализа антропонимической номинации разных социумов, проживавших на территории Приенисейской Сибири в период ее активного освоения. Необходимо также расширить круг исследования тематических объединений антропонимов за счет привлечения таких небольших по объему групп, как, например, «прозвища, восходящие к бытовой лексике» и др., а также единичных примеров, не вошедших в анализируемые группы в силу своей специфичности.

Список источников

1. Александров В. А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 279 с.
3. Бахвалова Т. В. Традиционные коллективно-региональные прозвища жителей Череповецкого района // Слово и текст в культурном сознании эпохи / отв. ред. Е. Н. Ильина, Г. В. Судаков. Вологда: ВГПУ, 2012. Ч. 10. С. 85-89.
4. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 386 с.
5. Виноградова Л. Н. Телесные аномалии и телесная норма в народных демонологических представлениях // Телесный код в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 19-29.
6. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: АСТ; Астрель, 2001. 672 с.
7. Ганжина И. М. Тверская антропонимия XVI века в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 1992. 22 с.

8. Городилова Л. М. Именованіе посадских людей в переписной книге Енисейска и Енисейского уезда 1669 г. // Научные исследования в современном мире: теория, методология, практика: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 25 октября 2019 г.): в 3-х ч. Уфа: Вестник науки, 2019. Ч. 2. С. 173-182.
9. Городилова Л. М. Оттопонимические фамилии как источник изучения освоения Приенисейской Сибири в XVII в. // Современные научные исследования и разработки. М.: Олимп, 2017. № 9 (17). С. 135-138.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. 669 с.; Т. 2. 779 с.; Т. 3. 555 с.; Т. 4. 684 с.
11. Захарова Е. В. Отэтнонимические названия Корел-Карельский в топонимии Русского Севера [Электронный ресурс]. URL: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=764> (дата обращения: 26.11.2020).
12. Ильичев А. А. Структурные разновидности антропонимов и их варьирование в деловых памятниках Нижегородского края XIV-XVII веков: дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2011. 259 с.
13. Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI - XVII веков: дисс. ... к. филол. н. Вологда, 2004. 221 с.
14. Королева И. А. Прозвищные имена на Руси: семантический аспект // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2018. С. 177-180.
15. Крих А. А. Антропонимия служилого населения г. Тары в XVII в. // Вагановские чтения: материалы IX Региональной научно-практической конференции, посвященной 425-летию города Тары (г. Тара, 5-6 апреля 2018 года) / отв. ред. Л. К. Анцигина. Омск: Амфора, 2018. С. 314-316.
16. Кюршунова И. А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дисс. ... д. филол. н. Петрозаводск, 2017. 643 с.
17. Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 667 с.
18. Мирославская А. Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики / отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. М.: Наука, 1980. С. 202-213.
19. Мосин А. Г. Словарь уральских фамилий [Электронный ресурс]. URL: http://kataisk-zayra.ucoz.ru/index/bukva_b2/0-201 (дата обращения: 15.01.2020).
20. Никонов В. А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 189 с.
21. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-пресс, 1993. 222 с.
22. Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий: словарь. Пермь: ПГУ, 1997. 278 с.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1.
24. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3.
25. Саттаров Г. Ф. Категория ласкательности в татарских личных именах // Антропонимика / ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 211-217.
26. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды / сост., общ. ред. Е. А. Василевской. М.: Просвещение, 1968. С. 97-129.
27. Сидоренко Е. Ю. Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII века г. Тобольска): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2005. 18 с.
28. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М. - Л. (СПб.): Наука; Наука (Ленинградское отд-ние), 1968. Вып. 3. 360 с.; 1970. Вып. 6. 358 с.; 1972. Вып. 9. 362 с.; 1976. Вып. 11. 363 с.; 1977. Вып. 12. 368 с.; 1977. Вып. 13. 358 с.; 1979. Вып. 15. 399 с.; 1980. Вып. 16. 376 с.; 1981. Вып. 17. 383 с.; 1982. Вып. 18. 367 с.; 1986. Вып. 21. 360 с.; 1990. Вып. 25. 352 с.; 1992. Вып. 27. 400 с.; 2001. Вып. 35. 360 с.; 2002. Вып. 36. 344 с.; 2010. Вып. 43. 349 с.; 2011. Вып. 44. 349 с.
29. Словарь русского языка XI-XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 403 с.; 1981. Вып. 8. 351 с.
30. Смольников С. Н. Антропонимия памятников деловой письменности Северной Руси XVI-XVII вв.: субъектные точки зрения // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси: в 4-х вып. Вологда: Вологодский ЦНТИ, 2004. Вып. 2 / отв. ред. С. Н. Смольников. С. 65-91.
31. Смольников С. Н., Чайкина Ю. И. Антропонимия в деловой письменности вологодских монастырей // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2 (38). Т. 1. С. 114-116.
32. Соколов А. Русские имена и прозвища в XVII веке / собраны А. Соколовым. Казань: Типография Императорского университета, 1891. 18 с.
33. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М. - Назрань: АСТ, 1998. 522 с.
34. Тупилов Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. 864 с.
35. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. Б. А. Успенского. Изд-е 2-е, испр. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд-е 2-е. М.: Прогресс, 1987. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 3. 832 с.; Т. 4. 864 с.
37. Федосюк Ю. А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь. М.: Русские словари, 1996. 287 с.
38. Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии / отв. ред. Р. И. Аванесов. Красноярск: Кн. изд-во, 1966. 494 с.

39. Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: этимологический словарь. Вологда: Русь, 1995. 121 с.
40. Чайкина Ю. И. Личные имена горожан на Русском Севере в начале XVII века (на материале писцовых и дозорных книг Вологды, Великого Устюга, Белоозера) // Вологда: краеведческий альманах / гл. ред. М. А. Безнин. Вологда: Легия, 2003. Вып. 4. Старинные города Вологодской области. С. 445-452.
41. Чайкина Ю. И., Смольников С. Н. Именования духовных лиц на Руси во второй половине XVI века (на материале приходно-расходных книг Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Словесность и современность: материалы научной конференции (г. Пермь, 23-24 ноября 2000 г.): в 3-х ч. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. Ч. 2. С. 127-134.
42. Черкасова М. С. К изучению монашеской антропонимики русского средневековья // Проблемы истории культуры: сб. науч. тр. Нижневартовск: Нижневарт. пед. ин-т, 1997. С. 70-81.
43. Черкасова М. С. К изучению монашеской антропонимики русского средневековья (по материалам Троице-Сергиева монастыря XV-XVII веков) / сост. Г. И. Вздорнов // Ферапонтовский сборник. М. – Ферапонтово, 1999. Вып. 5. С. 32-41.
44. Чичагов В. К. Из истории русских имен, прозвищ и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.

Информация об авторах | Author information

Городилова Людмила Михайловна¹, д. филол. н., проф.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Gorodilova Lyudmila M.¹, Dr

¹ Pacific State University, Khabarovsk

¹ gorodilova_l@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.12.2020; опубликовано (published): 26.02.2021.

Ключевые слова (keywords): историческая антропонимика Приенисейской Сибири; рукописные памятники; прозвища крестьян; семантика прозвищных именовании; historical anthroponymics of Yenisei Siberia; manuscript monuments; peasants' nicknames; semantics of nicknames.